

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ
(1910 – 1971)

УРОЖАЙ

Дышат грудью запотелой
Желтогривые овсы.
Чем-то теплым,
Чем-то спелым
Веет с нашей полосы.

Дай ступню ногой босою
По колючему жнивью.
Дай блестящую косою
Срежу полосу мою.

Под овсяный говор нивы
Жарким потом обольюсь.
Я вдвойне тогда счастливый,
Если вволю потружусь.

На гумне под темной крышей
Отдохнут в скирдах снопы.
Утро раннее услышит,
Как зазвякают цепи.

На душе простор-веселье,
Непечатый счастья край...
Валит хлеб златой метелью.
Здравствуй,
Новый урожай.

---

*Много песен стало в нашем крае.
Все поют о пламенном, большом.
Кто о чем, а я – об урожае.
О своем,
Мужицком,
О родном.*

НОВАЯ ИЗБА

Пахнет свежей сосновой смолою,
Желтоватые стенки блестят.
Хорошо заживем мы семьею
Здесь – на новый советский лад.

А в углу мы «богов» не повесим,
И не будет лампадка тлеть.
Вместо этой дедовской плесени
Из угла будет Ленин глядеть.

ОТЦУ-БОГАТЕЮ

Нам с тобой теперь не поравняться.
Я для дум и слов твоих – чужой.
Береги один свое богатство
За враждебною межей¹.

Пусть твои породистые кони
Мнут в усадьбе пышную траву,
Гольтьба тебя вот-вот обгонит.
Этим и дышу я и живу.

ИЗ ЦИКЛА «ПАМЯТИ МАТЕРИ»

В краю, куда их вывезли гуртом,
Где ни села вблизи, не то что города,
На севере, тайгою запертом,
Всего там было – холода и голода.

Но непременно вспоминала мать,
Чуть речь пойдет про все про то, что минуло,
Как не хотелось там ей помирать, –
Уж очень было кладбище немилое.

Кругом леса без края и конца –
Что видит глаз – глухие, нелюдимые.
А на погосте том – ни деревца,
Ни даже тебе прутика единого.

Так-сяк, не в ряд нарытая земля
Меж вековыми пнями да корягами,
И хоть бы где подальше от жилья,
А то – могилки сразу за бараками.

И ей, бывало, виделись во сне

---

¹ *Межа* – узкая полоса земли, являющаяся границей земельных участков.

Не столько дом и двор со всеми справами,
А взгорок тот в родимой стороне
С крестами под березами кудрявыми.

Такая-то краса и благодать,
Вдали большак², дымит пыльца дорожная,
– Проснись, проснись, – рассказывала мать, –
А за стеною – кладбище таежное...

Теперь над ней березы, хоть не те,
Что снились за тайгою чужедальнею.
Досталось прописаться в тесноте
На вечную квартиру коммунальную³.

И не в обиде. И не все ль равно,
Какою метой вечность сверху мечена.
А тех берез кудрявых – их давно
На свете нету. Сниться больше нечему.

ИЗ ПОЭМЫ «ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ» ТРАКТОРНЫЙ ВЫЕЗД

Светло на улице, и виден сад насквозь,
За садом поле поднимается широкое.
Обходят люди трактор, точно нагруженный воз,
Глядят с почтеньем, ничего не трогая.
Механик рулевого усадил,
Как будто вожжи в руки дал впервые.
Встал на крыло и громко объявил:
– Товарищи! Сегодня первый выезд...
И расступились люди у ворот,
Машине путь с готовностью отмерив,
Не только в то, что по земле пойдет,
Что полетит – готовы были верить.
И трактор тронулся, и все, кто был в селе,
Пошли за ним нестройною колонной.
След в елочку ложился по земле,
Дождем густым и холодком скрепленной...
За сотни лет здесь выходил народ
Так поголовно только в памятные годы.
С надеждами на урожайный год,
С иконами, с попами – крестным ходом...
Запел механик, кто-то выше взял,
Запели все – мужчины, женщины и дети –
«Интернационал»! «Интернационал»!
И пели, словно в первый раз на свете.

---

² *Большак* – в старину, широкая, наезженная столбовая дорога, тракт.

³ *Коммунальная квартира* – квартира, в которой живут несколько семей или несколько человек, не являющихся родственниками.

ПОЕЗДА

В предутренний ненастный час
Мы чувствуем сквозь сон,
Как паровозы, горячась,
Грохочут под уклон,
Как под колесные лады
Дрожит сухой песок.
И медленно всползает дым
На встреченный лесок.
Мы понимаем, что всегда –
Сквозь ветры, дождь и снег –
Не замедляют поезда
Неустающий бег.
И сотни верст перебежав,
Окутав гарью степь, –
Один какой-нибудь состав
Везет столицам хлеб.
А где-то –
На пути другом –
Другой
Гремит в ответ.
И пахнет нефтью и углем
Его дрожащий след...
Колеса весело стучат
Неукротимый такт.
И пять и десять лет назад
Они стучали так.
Они выстукивали то ж
Над тихим стоном шпал,
Когда свинцовый гладкий дождь
Вагоны осыпал.
Когда
На голод, кровь и тиф,
Хрипя от мерзлых дров,
Сдавал в пути локомотив –
Последний
Вздых паров.
Вагоны двигались,
пока
Их торопил огонь,
Потом
Ржавели в тупиках,
Уставши от погонь.
В какой-то день
Пришли туда
Большие мастера.
И оживали поезда,
Вставали на «ура»!..
Был радостен
Под песню труд,
Под песню день работ...

Да, песни многие умрут,
Но эта –
Не умрет.
Она переживет года
И не сгорит в огне.
Ее напомнят поезда,
Как в это утро мне.

УСАДЬБА

Над белым лесом – край зари багровой.
Восходит дым все гуще и синей.
И сразу оглушает скрип здоровый
Дверей, шагов, колодцев и саней.

На водопой проходят кони цугом⁴.
Морозный пар клубится над водой,
И воробьи, взлетая полукругом,
Отряхивают иней с проводов.

И словно на строительной площадке –
На доски, на леса – легла зима.
И в не заполненном еще порядке
Стоят большие новые дома.

Они выглядывают незнакомо
На улице огромного села,
Где только дом попа и назывался домом,
А церковь главным зданием была;

Где шли к воде поодиночке клячи
И, постояв, отказывались пить;
Где журавель⁵ и тот скрипел иначе,
Совсем не так, как он теперь скрипит...

Надолго лег венцами лес сосновый.
И лес хорош,
И каждый дом хорош.
...Стоишь, приехав, на усадьбе новой
И, как Москву,
Ее не узнаешь.

---

⁴ Цугом – вереницей, гуськом.

⁵ Журавель – колодец с механизмом для подъема воды в виде шеста с ведром на одном конце и противовесом на другом.

ИЗ ПОЭМЫ «ВАСИЛИЙ ТЁРКИН»

ПЕРЕПРАВА

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому темная вода,
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лёд,
Погрузился на понтоны⁶.
Первый взвод⁷.
Погрузился, оттолкнулся
И пошел. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыкнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу – будто не они,

Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то все дружнее и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад.

Поглядеть – и впрямь – ребята!
Как, по правде, желторот⁸,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи – отцы.

Тем путем идут суровым,

---

⁶ *Понтон* – плавучее средство, служащее для поддержания на воде тяжестей.

⁷ *Взвод* – воинское формирование от 15 до 60 человек.

⁸ *Желторот* – первоначально: птенец с желтизной около клюва. Разг.: молодой, неопытный человек.

Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат.

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишских глаз
Смерть в бою свистела часто
И минет ли в этот раз?

Налегли, гребут, потя,
Управляются с шестом.
А вода ревет правее
Под подорванным мостом.

Вот уже на середине
Их относит и кружит...

А вода ревет в теснине⁹,
Жухлый лёд в куски крошит,
Меж погнутых балок фермы¹⁰
Бьется в пене и в пыли...

А уж первый взвод, наверно,
Достает шестом земли.

Позади шумит протока¹¹,
И кругом – чужая ночь.
И уже он так далеко,
Что ни крикнуть, ни помочь.

И чернеет там зубчатый,
За холодной чертой,
Неподступный, непочатый
Лес над черною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересек наискосок.

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны – в ряд.

---

⁹ Теснина – узкая глубокая речная долина с очень крутыми склонами.

¹⁰ Ферма – конструкция моста, состоящая из балок.

¹¹ Протока – короткий канал естественного происхождения, соединяющий между собой водоемы.

Густо было там народу
Наших стриженных ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Под огнем неразбериха
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо,
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень расчудесный,
А наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь как год.

Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нем молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу.
За ночь грудую взялась
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И усталая с похода,
Что б там ни было, – жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, потом,
Мерзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом,
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперед и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи,
И уже давно
Он не тает в их глазницах
И пылью лежит на лицах.
Мертвым всё равно.

Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть еще паёк¹² им пишет
Первой роты старшина,

Старшина паёк им пишет,
А по почте полевой
Не быстрее идут, не тише
Письма старые домой,
Что еще ребята сами
На привале при огне
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы
Спят бойцы.
Свое сказали
И уже навек правы.

И тверда, как камень, груды,
Где застыли их следы...

Может – так, а может – чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеда.

Долги ночи, жестки зори
В ноябре – к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть,
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят – маленькая точка
Показалась вдалеке:

---

¹² Паёк – продовольствие, выдаваемое военнослужащим.

То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

– Нет, не чурка и не бочка –
Просто глазу маята.
– Не пловец ли одиночка?
– Шутишь, брат. Вода не та!
– Да, вода... Помыслить страшно.
Даже рыбам холодна.
– Не из наших ли вчерашних
Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
– Нет, он выплыл бы в шинели,
С полной выкладкой, мертвец.

Оба здорово продрогли,
Как бы ни было, – впервой.

Подошел сержант с биноклем.
Присмотрелся: нет, живой.

– Нет, живой. Без гимнастерки.
– А не фриц¹³? Не к нам ли в тыл?
– Нет. А может, это Теркин?
Кто-то робко пошутил.

– Стой, ребята, не соваться,
Толку нет спускать понтон.
– Разрешите попытаться?
– Что пытаться!
– Братцы, – он!

И, у заберегов корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Теркин,
Встал живой, – добрался вплавь.

Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает – свело.

Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали
Можешь, нет ли, а беги.

---

¹³ *Фриц* – немецкоязычное мужское имя, уменьшительное от *Фридрих*. Прозвище немцев во время Второй мировой войны.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
– Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не всё на кожу тратить?

Дали стопку¹⁴ – начал жить,
Приподнялся на кровати:
– Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку¹⁵ туда подбросить,
А уж следом за огнем
Встанем, ноги разомнем.
Что там есть, перекалечим,
Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.

– Молодец! – сказал полковник.
Молодец! Спасибо, брат.

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
– А еще нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
– Молодец, а будет много –
Сразу две.
– Так два ж конца...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

---

¹⁴ *Стопка* – небольшой стакан или рюмка.

¹⁵ *Огонек* – здесь: огонь артиллерии, стрельба орудий на поражение вражеских целей.

ДВА СОЛДАТА

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гудит война.
На печи в избе старуха,
Дед-хозяин у окна.

Рвутся мины. Звук знакомый
Отзывается в спине.
Это значит – Теркин дома,
Теркин снова на войне.

А старик как будто ухом
По привычке не ведет.
– Перелет! Лежи, старуха. –
Или скажет:
– Недолет...

На печи, забившись в угол,
Та следит исподтишка
С уважительным испугом
За повадкой старика,

С кем жила – не уважала,
С кем бранилась на печи,
От кого вдали держала
По хозяйству все ключи.

А старик, одевшись в шубу
И в очках подсев к столу,
Как от клюквы, кривит губы –
Точит старую пилу.

– Вот не режет, точишь, точишь,
Не берет, ну что ты хочешь!..–
Теркин встал:
– А может, дед,
У нее развода¹⁶ нет?

Сам пилу берет:
– А ну-ка... –
И в руках его пила,
Точно поднятая щука,
Острой спинкой повела.

Повела, повисла кротко.
Теркин щурится:
– Ну, вот.
Поищи-ка, дед, разводку¹⁷,
Мы ей сделаем развод.

---

¹⁶ *Развод пилы* – отклонение режущей кромки зубьев к внешней стороне полотна.

¹⁷ *Разводка* – отгибание зубьев пилы в разные стороны для того, чтобы снизить трение ленты пилы о боковые поверхности пропила и исключить ее зажатие.

Посмотреть – и то отрадно:
Завалившая пила
Так-то ладно, так-то складно
У него в руках прошла.

Обернулась – и готово.
– На-ко, дед, бери, смотри.
Будет резать лучше новой,
Зря инстру́мент не кори.

И хозяин виновато
У бойца берет пилу.
– Вот что значит мы, солдаты, –
Ставит бережно в углу.

А старуха:
– Слаб глазами.
Стар годами мой солдат.
Поглядел бы, что с часами,
С той войны еще стоят...

Снял часы, глядит: машина,
Точно мельница, в пыли.
Паутинами пружины
Пауки обволокли.

Их повесил в хате новой
Дед-солдат давным-давно:
На стене простой сосновой
Так и светится пятно.

Осмотрев часы детально, –
Все ж часы, а не пила, –
Мастер тихо и печально
Посвистел:
– Плохи дела...

Но куда-то шильцем сунул,
Что-то высмотрел в пыли,
Внутрь куда-то дунул, плюнул,
Что ты думаешь, – пошли!

Крутит стрелку, ставит пятый,
Час – другой, вперед – назад.
– Вот что значит мы, солдаты.–
Прослезился дед-солдат.

Дед растроган, а старуха,
Отслонив ладонью ухо,
С печки слушает:
– Идут!
– Ну и парень, ну и шут...

Удивляется. А парень
Услужить еще не прочь.
– Может, сало надо жарить?
Так опять могу помочь.

Тут старуха застонала:
– Сало, сало! Где там сало...

Теркин:
– Бабка, сало здесь.
Не был немец – значит, есть!

И добавил, выжидая,
Глядя под ноги себе:
– Хочешь, бабка, угадаю,
Где лежит оно в избе?

Бабка охнула тревожно.
Завозилась на печи.
– Бог с тобою, разве можно...
Помолчи уж, помолчи.

А хозяин плутовато
Гостя под локоть тишком:
– Вот что значит мы, солдаты,
А ведь сало под замком.

Ключ старуха долго шарит,
Лезет с печки, сало жарит
И, страдая до конца,
Разбивает два яйца.

Эх, яичница! Закуски
Нет полезней и прочней.
Полагается по-русски
Выпить чарку перед ней.

– Ну, хозяин, понемножку,
По одной, как на войне.
Это доктор на дорожку
Для здоровья выдал мне.

Отвинтил у фляги крышку:
– Пей, отец, не будет лишку.
Поперхнулся дед-солдат.
Подтянулся:
– Виноват!..

Крошку хлебушка понюхал.
Пожевал – и сразу сыт.

А боец, тряхнув над ухом
Тою флягой, говорит:
– Рассуждая так ли, сяк ли,
Все равно такую каплей
Не согреть бойца в бою.
Будьте живы!
– Пейте.
– Пью...

И сидят они по-братски
За столом, плечо в плечо.
Разговор ведут солдатский,
Дружно спорят, горячо.

Дед кипит:
– Позволь, товарищ.
Что ты валенки мне хвалишь?
Разреши-ка доложить.
Хороши? А где сушить?

Не просушишь их в землянке,
Нет, ты дай-ка мне сапог,
Да суконные портянки
Дай ты мне – тогда я бог!

Снова где-то на задворках
Мерзлый грунт боднул снаряд.
Как ни в чем – Василий Теркин,
Как ни в чем – старик солдат.

– Эти штуки в жизни нашей, –
Дед расхвастался, – пустяк!
Нам осколки даже в каше
Попадались. Точно так.
Попадет, откинешь ложкой,
А в тебя – так и мертвец.

– Но не знали вы бомбежки,
Я скажу тебе, отец.

– Это верно, тут наука,
Тут напротив не попрешь.
А скажи, простая штука
Есть у вас?
– Какая?
– Вошь.

И, макая в сало коркой,
Продолжая ровно есть,
Улыбнулся вроде Теркин
И сказал:
– Частично есть...

– Значит, есть? Тогда ты – воин,
Рассуждать со мной достоин.
Ты – солдат, хотя и млад.
А солдат солдату – брат.

И скажи мне откровенно,
Да не в шутку, а всерьез.
С точки зрения военной
Отвечай на мой вопрос.
Отвечай: побьем мы немца
Или, может, не побьем?

– погоди, отец, наемся,
Закушу, скажу потом.

Ел он много, но не жадно,
Отдавал закуске честь,
Так-то ладно, так-то складно,
Поглядишь – захочешь есть.

Всю зачистил сковородку,
Встал, как будто вдруг подрос,
И платочек к подбородку,
Ровно сложенный, поднес.
Отряхнул опрятно руки
И, как долг велит в дому,
Поклонился и старухе
И солдату самому.
Молча в путь запоясался,
Осмотрелся – все ли тут?
Честь по чести распрощался,
На часы взглянул: идут!
Все припомнил, все проверил,
Подогнал и под конец
Он вздохнул у самой двери
И сказал:
– Побьем, отец...

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гремит война.
На печи в избе – старуха.
Дед-хозяин у окна.

В глубине родной России,
Против ветра, грудь вперед,
По снегам идет Василий
Теркин. Немца бить идет.

ПОЕДИНОК

Немец был силен и ловок,
Ладно скроен, крепко шит,
Он стоял, как на подковах,
Не пугай – не побежит.

Сытый, бритый, береженный,
Дармовым добром кормленный,
На войне, в чужой земле
Отоспавшийся в тепле.

Он ударил, не страшая,
Бил, чтоб сбить наверняка.
И была, как кость большая,
В русской варежке рука...

Не играл со смертью в прятки, –
Взялся – бейся и молчи,
Теркин знал, что в этой схватке
Он слабей: не те харчи.

Есть войны закон не новый:
В отступленья – ешь ты вдоволь,
В обороне – так ли смяк,
В наступленья – натошак.

Немец стукнул так, что челюсть
Будто вправо подалась.
И тогда боец, не целясь,
Хряснул немца промеж глаз.

И еще на снег не сплюнул
Первой крови злую соль,
Немец снова в санки сунул
С той же силой, в ту же боль.

Так сошлись, сцепились близко,
Что уже обоймы, диски,
Автоматы – к черту, прочь!
Только б нож и мог помочь.

Бьются двое в клубах пара,
Об ином уже не речь, –
Ладит Теркин от удара
Хоть бы зубы заберечь.

Но куда Теркин санки
Сколько мог
В бою берег,
Двинул немец, точно штангой,
Да не в санки,
А под вздох.

Охнул Теркин: плохо дело,
Плохо, думает боец.
Хорошо, что легок телом –
Отлетел. А то б – конец...

Устоял – и сам с испугу
Теркин немцу дал леща,
Так что собственную руку
Чуть не вынес из плеча.

Черт с ней! Рад, что не промазал,
Хоть зубам не полон счет,
Но и немец левым глазом
Наблюденья не ведет.

Драка – драка, не игрушка!
Хоть огнем горит лицо,
Но и немец красной юшкой
Разукрашен, как яйцо.

Вот он – в полвершке – противник.
Носом к носу. Теснота.
До чего же он противный –
Дух у немца изо рта.

Злобно Теркин сплюнул кровью,
Ну и запах! Валит с ног.
Ах ты, сволочь, для здоровья,
Не иначе, жрешь чеснок!

Ты куда спешил – к хозяйке?
Матка, млеко? Матка, яйки?
Оказать решил нам честь?
Подавай! А кто ты есть,

Кто ты есть, что к нашей бабке
Заявился на порог,
Не спросясь, не скинув шапки
И не вытерши сапог?

Со старухой сладить в силе?
Подавай! Нет, кто ты есть,
Что должны тебе в России
Подавать мы пить и есть?

Не калека ли убогий,
Или добрый человек –
Заблудился
По дороге,
Попросился
На ночлег?

Добрым людям люди рады.
Нет, ты сам себе силен,
Ты наводишь
Свой порядок.
Ты приходишь –
Твой закон.

Кто ж ты есть? Мне толку нету,
Чей ты сын и чей отец.
Человек по всем приметам, –
Человек ты? Нет. Подлец!

Двое топчутся по кругу,
Словно пара на кругу,
И глядят в глаза друг другу:
Зверю – зверь и враг – врагу.

Как на древнем поле боя,
Грудь на грудь, что щит на щит, –
Вместо тысяч бьются двое,
Словно схватка всё решит.

А вблизи от деревушки,
Где застал их свет дневной,
Самолеты, танки, пушки
У обоих за спиной.

Но до боя нет им дела,
И ни звука с тех сторон.
В одиночку – грудью, телом
Бьется Теркин, держит фронт.

На печальном том задворке,
У покинутых дворов
Держит фронт Василий Теркин,
В забытии глотая кровь.

Бьется насмерть парень бравый,
Так что дым стоит сырой,
Словно вся страна-держава
Видит Теркина:
– Герой!

Что страна! Хотя бы рота
Видеть издали могла,
Какова его работа
И какие тут дела.

Только Теркин не в обиде.
Не затем на смерть идешь,
Чтобы кто-нибудь увидел.
Хорошо б. А нет – ну что ж...

Бьется насмерть парень бравый
Так, как бьются на войне.
И уже рукою правой
Он владеет не вполне.

Кость гудит от раны старой,
И ему, чтоб крепче бить,
Чтобы слева класть удары,
Хорошо б левшою быть.

Бьется Теркин,
В драке зоркий,
Утирает кровь и пот.
Изнемог, убился Теркин,
Но и враг уже не тот.

Далеко не та заправка,
И побита морда вся,
Словно яблоко-полявка¹⁸,
Что иначе есть нельзя.

Кровь – сосульками. Однако
В самый жар вступает драка.

Немец горд.
И Теркин горд.
– Раз ты пёс, так я – собака,
Раз ты черт,
Так сам я – черт!

Ты не знал мою натуру,
А натура – первый сорт.
В клочья шкуру –
Теркин чуру¹⁹
Не попросит. Вот где черт!

Кто одной боится смерти –
Кто плевал на сто смертей.
Пусть ты черт. Да наши черти
Всех чертей
В сто раз чертей.

Бей, не милуй. Зубы стисну,
А убьешь, так и потом
На тебе, как клещ, повисну,
Мертвый буду на живом.

Отоспись на мне, будь ласков,
Да свали меня вперед.

---

¹⁸ Яблоко-полявка – плоды дикой яблони: жесткие и несочные.

¹⁹ Чуру – разг. слово, выражающее боязливое пожелание избежать какой-либо опасности.

Ах, ты вон как! Драться каской?
Ну не подлый ли народ!

Хорошо же! –
И тогда-то,
Злость и боль забрав в кулак,
Незаряженной гранатой
Теркин немца – с левой – шмяк!

Немец охнул и обмяк...

Теркин ворот нараспашку,
Теркин сел, глотает снег,
Смотрит грустно, дышит тяжело, –
Поработал человек.

Хорошо, друзья, приятно,
Сделав дело, ко двору
В батальон идти обратно
Из разведки поутру.

По земле ступать советской,
Думать – мало ли о чем!
Автомат нести немецкий,
Между прочим, за плечом.

«Языка»²⁰ – добычу ночи, –
Что идет, куда не хочет,
На три шага впереди
Подгонять:
– Иди, иди...

Видеть, знать, что каждый встречный-
Поперечный – это свой.
Не знаком, а рад сердечно,
Что вернулся ты живой.

Доложить про всё по форме,
Сдать трофеи не спеша.
А потом тебя покормят, –
Будет мерою душа.

Старшина отпустит чарку,
Строгий глаз в нее кося.
А потом у печки жаркой
Ляг, поспи. Война не вся.

Фронт налево, фронт направо,
И в февральской вьюжной мгле

---

²⁰ *Язык* (перен., военн. жарг.) – пленный, захваченный с целью получения информации о противнике.

Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

СМЕРТЬ И ВОИН

За далекие пригорки
Уходил сраженья жар.
На снегу Василий Теркин
Неподобранный лежал.

Снег под ним, набрякши кровью,
Взялся грудой ледяной.
Смерть склонилась к изголовью:
– Ну, солдат, пойдем со мной.

Я теперь твоя подруга,
Недалеко провожу,
Белой вьюгой, белой вьюгой,
Вьюгой след запорошу.

Дрогнул Теркин, замерзая
На постели снеговой.
– Я не звал тебя, Косая,
Я солдат еще живой.

Смерть, смеясь, нагнулась ниже:
– Полно, полно, молодец,
Я-то знаю, я-то вижу:
Ты живой, да не жилец.

Мимоходом тенью смертной
Я твоих коснулась щек,
А тебе и незаметно,
Что на них сухой снежок.

Моего не бойся мрака,
Ночь, поверь, не хуже дня...
– А чего тебе, однако,
Нужно лично от меня?

Смерть как будто бы замялась,
Отклонилась от него.
– Нужно мне... такую малость,
Ну почти что ничего.

Нужен знак один согласья,
Что устал беречь ты жизнь,
Что о смертном молишь часе...

– Сам, выходит, подпишись? –
Смерть подумала.
– Ну что же, –
Подпишись, и на покой.
– Нет, уволь. Себе дороже.
– Не торгуйся, дорогой.

Все равно идешь на убыль. –
Смерть подвинулась к плечу. –
Все равно стянулись губы,
Стынют зубы...
– Не хочу.

– А смотри-ка, дело к ночи,
На мороз горит заря.
Я к тому, чтоб мне короче
И тебе не мерзнуть зря...

– Потерплю.
– Ну, что ты, глупый!
Ведь лежишь, всего светло.
Я б тебя тотчас тулупом,
Чтоб уже навек тепло.

Вижу, веришь. Вот и слезы,
Вот уж я тебе милей.

– Врешь, я плачу от мороза,
Не от жалости твоей.

– Что от счастья, что от боли –
Все равно. А холод лют.
Завилась поземка в поле.
Нет, тебя уж не найдут...

И зачем тебе, подумай,
Если кто и подберет.
Пожалеешь, что не умер
Здесь, на месте, без хлопот...

– Шутишь, Смерть, плетешь тенета. –
Отвернул с трудом плечо. –
Мне как раз пожить охота,
Я и не жил-то еще...

– А и встанешь, толку мало, –
Продолжала Смерть, смеясь. –
А и встанешь – все сначала:
Холод, страх, усталость, грязь...
Ну-ка, сладко ли, дружище,
Рассуди-ка в простоте.

– Что судить! С войны не взыщешь
Ни в каком уже суде.

– А тоска, солдат, в придачу:
Как там дома, что с семьей?
– Вот уж выполню задачу –
Кончу немца – и домой.

– Так. Допустим. Но тебе-то
И домой к чему прийти?
Догола земля раздета
И разграблена, учти.
Все в забросе.

– Я работник,
Я бы дома в дело вник,
– Дом разрушен.
– Я и плотник...
– Печки нету.
– И печник...
Я от скуки – на все руки,
Буду жив – мое со мной.

– Дай еще сказать старухе:
Вдруг придешь с одной рукой?
Иль еще каким калекой, –
Сам себе и то постыл...

И со Смертью Человеку
Спорить стало свыше сил.
Истекал уже он кровью,
Коченел. Спускалась ночь...

– При одном моем условии,
Смерть, послушай... я не прочь...

И, томим тоской жестокой,
Одинок, и слаб, и мал,
Он с мольбой, не то с упреком
Уговариваться стал:

– Я не худший и не лучший,
Что погибну на войне.
Но в конце ее, послушай,
Дашь ты на день отпуск мне?
Дашь ты мне в тот день последний,
В праздник славы мировой,
Услыхать салют победный,
Что раздастся над Москвой?

Дашь ты мне в тот день немножко
Погулять среди живых?

Дашь ты мне в одно окошко
Постучать в краях родных,
И как выйдут на крылечко, –
Смерть, а Смерть, еще мне там
Дашь сказать одно словечко?
Полсловечка?
– Нет. Не дам...

Дрогнул Теркин, замерзая
На постели снеговой.

– Так пошла ты прочь, Косая,
Я солдат еще живой.

Буду плакать, выть от боли,
Гибнуть в поле без следа,
Но тебе по доброй воле
Я не сдамся никогда.

– погоди. Резон почище
Я найду, – подашь мне знак...

– Стой! Идут за мною. Ищут.
Из санбата²¹.
– Где, чудак?
– Вон, по стежке занесенной...

Смерть хохочет во весь рот:
– Из команды похоронной.
– Все равно: живой народ.

Снег шуршит, подходят двое.
Об лопату звякнул лом.

– Вот еще остался воин.
К ночи всех не уберем.

– А и то: устали за день,
Доставай кисет, земляк.
На покойничке присядем
Да покурим натощак.

– Кабы, знаешь, до затяжки –
Щец горячих котелок.

– Кабы капельку из фляжки.
– Кабы так – один глоток.
– Или два...

И тут, хоть слабо,

---

²¹ Санбат – санитарный батальон.

Подал Теркин голос свой:

– Прогоните эту бабу,
Я солдат еще живой.

Смотрят люди: вот так штука!

Видят: верно, – жив солдат.

– Что ты думаешь!

– А ну-ка,

Понесем его в санбат.

– Ну и редкостное дело, –

Рассуждают не спеша. –

Одно дело – просто тело,

А тут – тело и душа.

– Еле-еле душа в теле...

– Шутки, что ль, зазяб совсем.

А уж мы тебя хотели,

Понимаешь, в наркомзем²²...

– Не толкуй. Заждался малый.

Вырубай шинель во льду.

Поднимай.

А Смерть сказала:

– Я, однако, вслед пойду.

Земляки – они к работе

Приспособлены к иной.

Врете, мыслит, растрясете –

И еще он будет мой.

Два ремня да две лопаты,

Две шинели поперек.

– Береги, солдат, солдата.

– Понесли. Терпи, дружок. –

Норовят, чтоб меньше тряски,

Чтоб ровнее как-нибудь,

Берегут, несут с опаской:

Смерть сторонкой держит путь.

А дорога – не дорога, –

Целина, по пояс снег.

– Отдохнули б вы немного,

Хлопцы...

– Милый человек, –

Говорит земляк толково, –

Не тревожься, не жалей.

---

²² Наркомзем – Народный комиссариат земледелия, ответственный за планирование и руководство сельскохозяйственным производством СССР.

Потому несем живого,
Мертвый вдвое тяжелей.

А другой:

– Оно известно.

А еще и то учеть,
Что живой спешит до места, –
Мертвый дома – где ни есть.

– Дело, стало быть, в привычке, –
Закljučают земляки. –
Что ж ты, друг, без рукавички?
На-ко теплую, с руки...

И подумала впервые
Смерть, следя со стороны:
До чего они, живые,
Меж собой свои – дружны.
Потому и с одиночкой
Сладить надобно суметь,
Нехотя даешь отсрочку.

И, вздохнув, отстала Смерть.

* * *

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, –
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...

О СУЩЕМ

Мне славы тлен – без интереса
И власти мелочная страсть.
Но мне от утреннего леса
Нужна моя на свете часть;
От уходящей в детство стежки
В бору пахучей конопки;
От той березовой сережки,
Что майский дождь прибьет в пыли;
От моря, моющего с пеной
Каменя теплых берегов;
От песни той, что юность пела
В свой век – особый из веков,
И от беды, и от победы –
Любой людской – нужна мне часть,
Чтоб видеть всё и всё изведать,
Всему не издали учась...

И не таю еще признанья:
Мне нужно, дорого до слез
В итоге – твердое сознание,
Что честно я тянул свой воз.

* * *

Не много надобно труда,
Уменья и отваги,
Чтоб строчки в рифму, хоть куда,
Составить на бумаге.

То в виде ёлочки густой,
Хотя и однобокой,
То в виде лесенки крутой,
Хотя и невысокой.

Но бьешься, бьешься, так и смяк –
Им не сойти с бумаги.
Как говорит старик Маршак²³:
Голубчик, мало тяги...

Дрова как будто и сухи,
Да не играет печка.
Стихи как будто и стихи,
Да правды ни словечка.

Пеняешь ты на неуспех,
На козни в этом мире:
Чем не стихи? Не хуже тех
Стихов, что в «Новом мире»²⁴.

Но совесть, та исподтишка
Тебе подскажет вскоре:
Не хуже – честь невелика,
Не лучше – вот что горе.

Покамест молод, малый спрос:
Играй. Но бог избави,
Чтоб до седых дожить волос
Служа пустой забаве.

* * *

Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете –
Живых и мертвых, – знаю только я.

---

²³ С.Я. Маршак – советский поэт, переводчик.

²⁴ «Новый мир» – один из старейших в современной России ежемесячных литературно-художественных журналов. Издается в Москве с 1925 г.

Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому –
Нельзя. Не скажет – пусть себе он бог.

А я лишь смертный. За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.